

ПРОЩАЙ, ГРУСТЬ!

18+

ВИВ

12 уроков счастья
из французской
литературы

ГРОСКОП

Вив Гроскоп

**Прощай, грусть! 12 уроков счастья
из французской литературы**

«Individuum»

2020

УДК 82
ББК 83

Гроскоп В.

Прощай, грусть! 12 уроков счастья из французской литературы /
В. Гроскоп — «Individuum», 2020

ISBN 978-5-6048294-2-4

Почему нас так манит «французский» образ жизни? Как научиться мифическому *joie de vivre* – чисто французскому умению наслаждаться моментом? Журналистка, писательница и комедиантка Вив Гроскоп с детства задавалась этими вопросами. Каждое лето она ездила во Францию, прилежно учила язык и мечтала впитать хоть немного «французскости», став чуть ближе к Франсуазе Саган – свободнее и смелее. Вив постепенно открывала для себя и других авторов, которым удалось уловить суть французских культуры и менталитета. Как и предыдущая книга Гроскоп «Саморазвитие по Толстому», «Прощай, грусть!» помогает переосмыслить классику, найти в ней что-то новое и актуальное. А за смешным и остроумным фасадом кроются уроки ностальгии от Пруста, альтруизма – от Гюго, психологии – от Стендаля, и даже урок любви к усам от Мопассана. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82

ББК 83

ISBN 978-5-6048294-2-4

© Гроскоп В., 2020

© Individuum, 2020

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вив Гроскоп

Прощай, грусть! 12 уроков счастья из французской литературы

Viv Groskop

Au Revoir, Tristesse

Lessons in Happiness from French Literature

Это издание опубликовано с согласия Curtis Brown UK и The Van Lear Agency.

Все права защищены.

© Viv Groskop, 2020

© Евгения Фоменко, перевод, 2023

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

***

«Изучая в школе французский язык, я чувствовала себя немного особенной. Я же говорила на языке любви! На языке великих. Я представляла себя свободной и одинокой, на фоне Эйфелевой башни, почему-то всегда с сигаретой. Такой вот образ меня, подсмотренный у французов в книгах. Вив Гроскоп вновь приглашает нас отправиться в путешествие внутрь себя, но в этот раз через французскую литературу. *Von voyage!*»

– *Варвара Шмыкова, актриса театра и кино*

«Что, если мы слишком серьезно подходим к классике и стоит посмотреть на нее глазами чужака, как сделала с русской литературой, а теперь делает с французской Вив Гроскоп? Может, тогда нам удастся взять у классики лучшее – в данном случае исключительно французское умение быть счастливыми и жить в моменте».

– *Полина Бояркина, главный редактор «Прочтения»*

«Не обязательно быть эрудитом, чтобы насладиться этой книгой... „Прощай, грусть!“ станет для вас остроумным и очаровательным спутником».

– *The Wall Street Journal*

Введение

Счастье – это... притворяться французом

Savoir, pen ser, rêver. Tout est là¹.

Французы стремятся преподать нам один весьма очевидный урок: если хочешь быть счастливым, лучше всего быть французом. Если хочешь жить идеальной жизнью, искать ее нужно во Франции. Воплощение этого – Франсуаза Саган. Она олицетворяет радостное безразличие. В ней есть и жажда жизни, и свобода творить все, что в голову взбредет. Ведь именно так большинство из нас и видит счастье? Наслаждаться каждым мгновением, вкусно есть, вкусно пить, влюбляться, следовать за мечтой... Французы считают, что умеют это лучше всех. А Франсуазе Саган, кажется, это удастся даже лучше, чем рядовому французу. Хотя она написала роман *Bonjour Tristesse* («Здравствуй, грусть!»), сама стала воплощением идеи *Au Revoir, Tristesse* («Прощай, грусть!»). Разве грусть – не то, с чем всем нам хочется проститься?

Впервые я увидела Саган по телевизору в 1980-е годы. Я смотрела на канале ВВС передачу о путешествиях *Postcard from Paris* («Открытка из Парижа»), ведущим которой был австралиец Клайв Джеймс, блиставший в то время в Великобритании. Позже он рассказал в журнале *New Yorker*, что передача была невероятно популярной – даже принцесса Диана записывала ее выпуски на видеокассету, если ей случалось их пропустить. В каждом из них Джеймс бродил по берегам Сены, задумчивый и мечтательный, и брал интервью у французских знаменитостей (впрочем, он никогда не беседовал с мужчинами, только с привлекательными женщинами). В одном из выпусков Франсуаза Саган прокатила его по городу на своем автомобиле. Не пристегиваясь, она нажимает на газ, колеса визжат, автомобиль срывается с места и несется по жилкому району со скоростью около 140 километров в час. «Довольно резвая машина», – нервно замечает Джеймс, стараясь говорить медленно, чтобы Саган понимала его английский. Потом добавляет: «Вы любите погонять, да?» Впрочем, она не улавливает намека.

«Жизнь идет так медленно», – вальяжно говорит она. Пока Саган катает Джеймса по Парижу на своем несущемся, как скорая помощь, белом «ситроене», ведущий пытается задавать ей вопросы, а она – преодолеть звуковой барьер. Писательница безразлично пожимает плечами, когда Джеймс упоминает о серьезной автомобильной аварии, в которую она попала, когда ей был 21 год, и переломала почти все кости: «Одиннадцать ребер, оба запястья и череп. Все решили, что я погибла. Закрыли мне глаза». Рассказывая об этом жутком происшествии, она «подрезает» пешехода и едет дальше, продолжая пожимать плечами. Джеймс тихонько скулит. Раздается закадровый голос: «Мы задели только его портфель. И все же от толчка он закрутился на месте, как флюгер».

Эти кадры надолго запечатлелись в моей памяти, я часто вспоминала их и посмеивалась. Вот уж действительно: прощай, грусть! В отличие от принцессы Дианы, я не догадалась записать выпуск на кассету. А много лет спустя, когда решила найти ту передачу, ничего не вышло. Мне даже стало казаться, что я все это придумала. В конце концов, именно так я представляла, что значит быть французом определенного сорта. Ездишь по Парижу, плюешь на чужое мнение, задеваешь портфели прохожих и даже не обращаешь на это внимания. К тому моменту я уже неплохо владела французским и надеялась, что совсем скоро это сделает меня француженкой. Ну, может, правда, не склонной сбивать пешеходов... Я мечтала вести себя как Саган.

---

¹ С фр. «Знать, думать, мечтать. Всё в этом» (Виктор Гюго). – Прим. пер.

Пусть эта мечта и была немного маниакальной и порочной, она оставалась моей мечтой. И неважно, что в реальности такого не бывает. Не приснилось же мне все это, в самом деле?

А потом, пару лет назад, гуглив что-то совсем другое, я вдруг наткнулась на нужное видео и перенеслась в прошлое. Оказалось, его сняли в 1989 году. Сперва я узнала закадровый голос – медленную, уверенную, циничную австралийскую манеру Клайва Джеймса. В самом начале он описывает феномен, который возникает только во время чтения книги любимого писателя. Джеймс цитирует Саган: «И тогда что-то захлестывает меня, и, закрыв глаза, я окликаю это что-то по имени: „Здравствуй, грусть!“»² Он продолжает, пока камера скользит по мосту Искусств: «Франсуаза Саган написала это в семнадцать лет, и она была здесь, была писательницей в Париже. Я жил на другом конце света и мечтал стать писателем в Париже. Я мечтал о столиках в кафе на левом берегу Сены, где сидел бы и писал собственный не по годам зрелый роман „Прощай, Сидней“». Именно это я поняла, впервые посмотрев передачу: люди испытывают такие же чувства, как я. *Другие* люди испытывают такие же чувства. Это реально.

Желание сбежать от самих себя и найти лучший способ жить – важный аспект читательского опыта. Английская писательница Джанет Уинтерсон называет чтение «растянувшимся на целую жизнь столкновением с умами, которые не похожи на ваш». Учить язык и открывать для себя авторов, писавших на этом языке, – двойное столкновение. Язык дает доступ к мировоззрению другой культуры, а чтение помогает погрузиться в него еще глубже. Я хотела именно такого отчаянного столкновения и жаждала найти именно такой прямой путь к определенному типу французского счастья. Подростком я мечтала о том же, о чем и Клайв Джеймс: *Au revoir*, скучная Англия! *Bonjour*, Париж! Мой роман с Парижем начался со школьных уроков французского, когда мне было одиннадцать лет, и подпитывался летними каникулами во Франции в годы отрочества. Когда же я стала достаточно взрослой, чтобы познакомиться с великими французскими писателями не только по телевидению, но и как положено, я уже была на крючке.

После той передачи я стала одержима французскими писателями и решила начать именно с Саган: подступиться к ней оказалось проще всего, и она была особенно привлекательна для подростка. Мне хотелось прочесть все истории, написанные французами, чтобы понять их мир, понять их самих, научиться думать как они. Так, чтобы во мне стало меньше меня и больше... ну, такого... французского. Поведение Саган во время того интервью казалось мне экстраординарным. Эта женщина жила безрассудно, порывисто, эгоистично. Она отличалась от всех, кого я встречала раньше. Она была свободна. Едва ли не чересчур. Свободна до такой степени, что могла сбивать людей на улицах, не заботясь об этом. Я не совсем понимала, как это может научить меня жить лучше. Но казалось, что если я буду стараться, то все придет само. Впрочем, были и некоторые сомнения. Разве обязательно сбивать людей, если хочешь жить красивой жизнью? Я решила не задумываться об этом. Во французских представлениях о жизни и счастье было что-то неуловимое, интригующее и очень важное. Французы следовали немного другим правилам, чем все прочие люди. Наверное, если я смогу их усвоить, то научусь жить так, как они?

Думаю, мне хотелось не столько стать похожей на французов, сколько перестать быть похожей на себя. Я была в том возрасте, когда пытаются понять, как жить, и расшифровать знаки, которые посылает тебе взрослый мир. В телепередаче говорилось не только о том, какой была Саган, но и о том, насколько она отличалась от интервьюера. Клайв Джеймс – невероятно умный и прекрасный человек. Он построил телевизионную карьеру на анализе культуры, любви к литературе и умении ценить радости жизни. В том выпуске он дышит воздухом Парижа, и становится ясно, что он встретил достойного соперника: это место даже лучше него самого. Клайв воплощает в себе все то, что каждый, кто не родился французом, но хочет им

---

² Здесь и далее роман «Здравствуй, грусть!» цитируется в переводе Ю. Яхниной. – *Прим. пер.*

быть, думает о французах. Ему радостно быть в Париже в компании Саган. Но при этом ему тяжело... Он хочет говорить по-французски, хочет быть французом, но больше всего, как он сам признает, ему хочется, чтобы рядом с ним оказалась француженка. Но все же ничего из этого у него не получается, и его «поглощает печаль несбыточного». Увидев это в шестнадцать, когда у меня за плечами уже было несколько лет уроков французского языка, я вздохнула и дала себе клятву на всю жизнь: к черту печаль несбыточного! Должен быть другой способ жить. Пусть мне покажут его французские писатели.

На этих страницах я исследую свое чувство – нечто трудноуловимое, что я искала с тех пор, как увидела на экране телевизора эту женщину, которая неслась на машине, будто ненормальная, выставив руку с сигаретой в окно и сердито хмурясь из-под слишком длинной, небрежно растрепанной челки. (Возможно, именно эта челка и не позволила ей разглядеть мужчину с портфелем. Челка и общее безразличие к безопасности пешеходов.) Французы придумали все нужные слова для этого чувства. *Un certain je-ne-sais-quoi*. Нечто совершенно неопределенное. *La joie de vivre*. Радость жизни. *Le bien-être* звучит гораздо сексуальнее и интереснее, чем сладкоречивое, приторное, вязкое «благополучие». Это готовность хватать жизнь за глотку и плевать на мнение окружающих. Не в этом ли истинное счастье, не в этой ли «французскости»? Свободе делать что захочется? Раскрепощенности? Что же это за отношение к жизни, которое кажется таким заманчивым и особенно французским? Это все равно что показать средний палец всем авторитетам, понять, чего ты хочешь, познать себя и добраться в нужное место в минуту спешки. Брать от жизни все, не позволяя ей тебя сломить. Нас манит французский смысл жизни. Даже слово «счастье» на французском вызывает улыбку: *le bonheur*. Дословно – «хороший час». Ведь только это нам и нужно, правда? Один хороший час. Потом другой.

Когда я росла в маленьком городке в английской глубинке в исключительно английской среде, меня весьма привлекал такой образ мыслей. Я определенно не находила его в своем окружении. В отроческие годы я постепенно накапливала свидетельства того, что во Франции люди живут иначе. Это меня вдохновляло и давало надежду на будущее. В мире были другие места, где люди творили что хотели, а окружающие не только позволяли им это, но и одобряли их поступки! Там питались улитками и лягушачьими лапками. За завтраком пили горячий шоколад из огромных чашек. Там макали хлеб в напитки. В моем детстве в сельской Англии о таком «континентальном» поведении не было и речи. Ах да, в то время в Великобритании Францию и остальную Европу еще называли «континентом». Все смелое, веселое, не в полной мере британское имело «континентальный привкус». Я начала смотреть на жизнь в Англии глазами французов. Мы слишком долго варили овощи, превращая их в кашу. В детское питание. В пищу для человека, у которого выпали все зубы. Мы наливали в чай столько молока, что почти одно молоко и пили. Мы покупали хлеб, в котором было так много искусственных ингредиентов, что он не портился: его можно было есть и дня через три после покупки. Такой подход к хлебу возбуждает особенные подозрения у французов. В итоге соотечественники стали казаться мне варварами.

И этот тип варварства был сродни тюрьме. Дома, в Англии, мне приходилось соответствовать ожиданиям и быть человеком определенного сорта: не слишком восторженным, не слишком шумным, не слишком страстным, сдержанно циничным по отношению ко всему вокруг. «Французскость» давала надежду сбежать и воплощала в себе волнующие меня вещи: скорость, энергию, накал – все, что было сродни поездке по центру Парижа на раздолбанном «ситроене» со скоростью 140 километров в час. Безусловно, в этом я видела и элемент феминизма. В среде, где я росла, такое безрассудство не одобрялось вообще, но женщин, в частности, и вовсе сочли бы ненормальными, если бы они рискнули последовать примеру Саган. Ее стиль жизни был радикальным, мятежным и волнующим.

Когда подростком я впервые осознанно приехала во Францию, то пыталась использовать свой школьный французский, чтобы вписаться в окружение. Я начала узнавать вещи, не изучавшиеся в школе, применяя метод, который теперь называю «ситуационным». Большинство людей учат иностранный язык именно с помощью ситуационного обучения. Оно позволяет с грехом пополам перебиваться имеющимися знаниями. Человек не воздерживается от разговора только потому, что не знает правильных слов. Он наблюдает за происходящим и повторяет то, что носители языка говорят в различных ситуациях. Когда мне было двенадцать, я впервые поехала учиться по обмену в город Анже в долине Луары и две недели прожила во французской семье. Тогда я совсем плохо говорила по-французски и могла лишь рассказывать, что случилось в прошлом, добавляя слово «вчера» к коротким предложениям: «Вчера я иду в кино», «Вчера я ем *pain au chocolat*»³, – но все равно была решительно настроена вписаться в общество, пусть для этого мне и приходилось изъясняться по-дурачки. Отчасти дело было в эскапизме и новизне. Я это понимаю. Но еще я радовалась способности общаться и наводить мосты неожиданным образом. И если ты готов выставить себя дураком (а я этого совершенно не боялась), то можешь смешить людей. «Вчера я иду в кино. Вчера мне нравится фильм. Сегодня мне фильм не нравится. *C'est la vie*». Да, я была Фрейзером Крейном⁴ в облике двенадцатилетней девочки. Мне часто становилось досадно, что французский прогрессировал очень медленно, и я все гадала, через сколько же лет смогу говорить на нем бегло (ответ: понадобилось семь или восемь). Но при этом я чувствовала, что выучить его возможно, и испытывала воодушевление.

Именно это и было для меня сутью французского: мне нужно было запомнить, как говорить на другом языке, и хотелось найти для этого такие способы, которые не имели бы ничего общего с зубрежкой, а были бы дурацкими и веселыми. Французский входил в безумную, настоящую, эксцентричную часть моего мозга. Мне нравилось напоминать себе, что на французском нужно говорить «Я мою себе руки» («*Je me lave les mains*»), а не просто «Я мою руки». Почему-то такие мелочи доставляли удовольствие, и мне невероятно нравилось узнавать две вещи разом: а) бессмысленный и странный способ сказать что-нибудь на английском так, как никто никогда не говорит («До пересвидания!»), и б) настоящий способ сказать то же самое по-французски («*Au revoir!*»). Сложно поверить, что человек не меняется как личность, если говорит не такие прозаичные и скучные вещи, как «Мне надо умыться», а что-то вроде: «Необходимо, чтобы я помыл себе руки» («*Il faut que je me lave les mains*»).

Прилежное освоение французского языка поглотило мою юность, и хотелось насколько возможно ускорить процесс. Дважды в год я гостила в семье своей подруги по переписке, а сама она раз в год навещала меня в Англии. Это был весьма неравный «обмен»: через некоторое время она бросила попытки выучить английский, ведь я была невероятно настойчива и говорила с ней только по-французски. Если это представляет меня в дурном свете, учтите, что она не проявляла особой настойчивости в ответ. Между визитами я смотрела с субтитрами французскую мыльную оперу *Chateaufallon* («Шатоваллон»), которую показывали на британском телевидении: в основном в ней рассказывалось о женатых людях, которые занимались сексом с теми, с кем не стоило. А послушав неразборчивый поток сознания, который лился с французских радиоволн, я поняла, что далеко на школьной практике не уеду. Я пыталась ловить французские станции на собственном радиоприемнике, приобретенном специально для этой цели, и, когда сигнал был достаточно чистым, записывала прямые эфиры французского радио на кассеты, а потом прослушивала их, чтобы самостоятельно практиковаться в восприятии языка на слух. Чтобы совершенствовать письменную французскую речь, я обзаводилась

³ Булка из слоеного теста с шоколадом. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

⁴ Фрейзер Крейн – персонаж ситкомов «Веселая компания» и «Фрейзер», который нередко становится объектом шуток. – *Прим. пер.*

все новыми франкоговорящими друзьями по переписке. Кроме той подруги, к которой я уже ездила в гости, появились многие другие: от Лоренс из Бельгии, приславшей мне вырезанные из журналов снимки поп-звезды Жан-Жака Гольдмана, до наполовину француженки, наполовину вьетнамки Пату из Нормандии – она прислала мне фотографии своего кота. По сути, я была ходячей энциклопедией «французскости» и глотала все круассановые крохи культуры и языка, которые мне удавалось найти.

Когда я думаю о том, на что обрекала родителей, мне становится их жаль, ведь им приходилось сосуществовать со мной, пока я пыталась выжить в провинциальном английском городке, не имея ни выхода в интернет, ни регулярного доступа к зарубежным журналам. Я была одержима. Это была не столько франкофилия, сколько франкомания. На стене спальни висели плакаты с Джонни Холлидеем («французским Элвисом») и Сандрой Ким (бельгийской участницей Евровидения 1986 года, чья прическа казалась мне более модной версией стрижки принцессы Дианы и на три года стала образцом для подражания). Я была очарована странными текстами французской эстрады, которые пыталась расшифровать и перевести, но никак не могла понять: то ли это я совсем не умею переводить, то ли французы – настоящие чудачки. У меня из головы не шли слова песни Джонни Холлидея «Que Je T'Aime» («Как я люблю тебя»): «*Mon corps sur ton corps / Lourd comme un cheval mort*». «Мое тело на твоём теле / Тяжелое, как мертвый конь». Как такое можно сказать? Или даже подумать? Как? Может, я просто не понимаю эротизм ситуации, в которой на тебе лежит мертвый конь? Почему Джонни Холлидей хвалится тем, что тяжел, как мертвый конь? Мне очень хотелось раскрыть эти тайны, желательно не убивая коня и не ложась под него голой. Впрочем, вскоре я уже начала читать Пруста и учить наизусть стихи Бодлера.

Итак, это книга о том, как «французскость» и счастье взаимосвязаны через чтение, поскольку именно в чтении я всегда находила утешение. Я надеюсь показать на примере французских писателей, с которыми познакомилась в отрочестве и юности, как такая взаимосвязь может помочь всем нам привнести больше радости в свою жизнь. Писатель Андре Жид однажды назвал радость моральным долгом: «Знайте, что радость реже, сложнее и прекраснее печали. Как только вы сделаете это наиважнейшее открытие, вы должны будете принять радость». Не было ли в некотором роде случайностью, что французский принес столько радости в мою жизнь? Мог ли это быть любой язык, любое хобби, любое открытие? Или же было во «французскости» нечто такое, что порождало радость? Позже я учила в школе немецкий и испанский, а гораздо позже не на шутку увлеклась русским, но это совсем другая история⁵. И все же французский стал моей первой любовью, мне удалось изучить его достаточно хорошо, чтобы бегло говорить на нем и сейчас, спустя тридцать лет с моего первого урока и без регулярной практики. Французский постоянно присутствовал в моей жизни. Он стал частью меня. Возможность погружаться в книги, упоминаемые на этих страницах, и таким образом поддерживать жизнь в этой части моего существа оказалась великолепным подспорьем, которое помогало мне принимать свои взлеты и падения.

Но французы есть французы, и потому я подозреваю, что их литература вовсе не случайно столь многозначительна и судьбоносна. В конце концов, они заявляют о своих правах на множество важных вещей, имеющих куда большее значение, чем вино, сыр и секс. (А французы действительно заявляют о своих правах на эти вещи – и заявляют решительно, словно бы именно они и только они их придумали.) Годами французы утверждают, что у них самый прекрасный и самый выразительный язык, что им свойственна величайшая ясность мысли в человеческой истории, а еще, конечно, что именно они больше других предрасположены испытывать радость. Они описывают все это в мельчайших подробностях словами Вольтера, Руссо,

---

⁵ См. книгу «Саморазвитие по Толстому. Жизненные уроки из 11 произведений русских классиков».

Декарта и Монтеня. Но здесь достаточно и нескольких слов: «французский» – значит «лучший».

Интересно, не эта ли уверенность – даже заносчивость, если совсем честно, – привлекла меня к французскому языку, а вместе с ним и к французской литературе? Мышление французов не лишено тщеславия, которое не свойственно другим культурам. Если вы жаждете радости, чуда, счастья, жизни и света, то искать эти трудноуловимые вещи лучше в таком месте, которое, кажется, и правда знает, что делает, и где люди не боятся сообщать всем, что прекрасно знают, что делают, и очень счастливы заниматься именно этим. Французы никогда не стеснялись об этом заявлять. Разумеется, огромная жизнеутверждающая радость и *élan* («размах») есть также в жизни многих, многих других культур. Но будем честны. Если даже слова для обозначения этих вещей принадлежат французам, нам придется признать, что им удалось обогнать всех нас еще до начала гонки.

О списке книг

Почему я выбрала для своей книги именно эти произведения? И почему обошла вниманием Руссо, Вольтера, Бодлера, Нервала, Аполлинера и любого другого вашего любимого писателя? У меня нет четкого ответа на эти вопросы. Здесь собраны лишь те писатели и произведения, которые мне особенно интересны, хорошо знакомы и которые мне хотелось перечитать. Об одних я узнала случайно, с другими меня кто-то познакомил – так, Мопассана нам читал на уроках мой школьный учитель французского языка мистер Харли. Другие стояли особняком в списке обязательной литературы в университете, некоторых я обнаружила позже. Упомянутые на этих страницах произведения составляют, так сказать, костяк базового и банального введения во французскую литературу. Это не попытка составить альтернативный список для чтения: мой набор произведений, пожалуй, довольно старомоден и предсказуем. Я все еще пребываю под влиянием тех книг, которые узнала и полюбила в восемнадцать-девятнадцать лет, и в меньшей степени – тех, с которыми познакомилась позже (кстати, многие из них оказались даже интереснее и лучше первых). Конечно, меня слегка пугает, что в этом списке мало женщин, поскольку в своей книге я пытаюсь проанализировать притягательность тех произведений, которые давно считаются классикой. Но я не могу переписать историю и изменить то, как классики стали классиками. (См. раздел «О других писателях» на с. 247, где есть необходимая оговорка о писателях-женщинах и приводится более общая справка о писателях, которые не принадлежат к числу белых мужчин среднего возраста и среднего достатка, а также рекомендуется еще больше книг.)

Крайне важно, что все упоминаемые здесь книги заслуживают того, чтобы их хранили как вехи мировой культуры. Они расставлены не в случайном порядке: я расположила их, начав с той, которая с наибольшей вероятностью приведет вас к счастью, то есть от самой жизнерадостной (хотя она заканчивается, кхм, вероятным самоубийством) до наименее духоподъемной (а эта – казнь). Делая подборку классики, которая учит нас быть счастливыми, я обнаружила, что произведение может дарить мне «счастливые» эмоции вне зависимости от того, о чем оно. В этих книгах рассказывается о всевозможных несчастьях: от множества измен, приводящих к убийству («Красное и черное»), и гибели на поле боя («Сирано де Бержерак») до разрыва с человеком, которого любил больше всех на свете («Любовник»), и неудачной операции на деформированной стопе («Госпожа Бовари»). Не переживайте, все перечисленное не делает меня счастливой. Радость скрыта в другом: в словах, в обнажении «французскости», в преподаваемых нам уроках о жизни. Кроме того, перечитывая этих авторов, я поняла, что, хотя в их мирах были жизнеутверждающие черты (сплошь луковые блюда на ужин, коктейли с кампари и густые усы, едва ли не живущие собственной жизнью), в основном они страдали от депрессии и алкоголизма, распутствовали, вечно были загружены работой, ворчали и часто болели

сифилисом. Я хотела написать любовное письмо своим любимым писателям, но в итоге на тумбочку легла книга «Гений, безумство и тайны сифилиса». Оказалось, что в некоторых случаях (Мопассан, это я о вас) энциклопедия болезней, передаваемых половым путем, лучше словаря годилась для того, чтобы разобраться во французской литературе. Прекрасно, конечно, попытаться овладеть искусством счастья. Но важно также понимать, что порой за него приходится платить.

Эта книга также выполняет корректирующую функцию. Порой меня тяготит мысль, что никому теперь нет дела до старых книг. В подростковые годы они были для меня воплощением гламура, роскоши, восторга, экзотики, взрослости и тайного знания. Мне нравится думать, что им еще под силу тягаться с цифровыми инновациями, ведущими борьбу за наше время. Но я знаю от своих университетских преподавателей, что сегодня восемнадцатилетние юноши и девушки читают меньше романов, чем когда-то читали мы. Я говорю об этом без осуждения, ведь если бы интернет изобрели на двадцать лет раньше, сомневаюсь, что вообще взяла бы в руки книгу. Но именно это и придает этим книгам особенную ценность. В социальных сетях мы проглатываем советы один за другим, узнавая, как лучше начинать свой день и сколько часов нам положено спать. Мы позволяем замусоривать свои экраны лайфхаками инфлюэнсеров. Заметьте, я опять же не осуждаю, поскольку и сама поглощаю такую информацию и часто испытываю при этом огромное наслаждение. Но возвращение к французской классике поражает – и обнадеживает – тем, что в ней содержится вся нужная нам мудрость о печалях и радостях идеальной жизни. Эти книги все время стоят на полках и ждут нас. Читать их в свое удовольствие, лежа в шезлонге (наяву или в мечтах), гораздо интереснее, чем гуглить «почему я чувствую себя таким подавленным» в три часа ночи. А еще, пожалуй, они оказывают на ваше благополучие более осязаемое и долгосрочное воздействие, чем поиск в интернете. Сужу по собственному опыту.

Вместе с тем нельзя приравнять эти книги к священным, мистическим текстам, в которых содержится ключ к жизни. В них нередко встречаются изъяны. Порой их не щадит время. Иногда случается и то и другое. В последние годы я много думала о том, что такое классика и не стоит ли пересмотреть наши представления о ней в XXI веке. А если эти представления действительно изменятся, понравятся ли нам такие перемены? Очевидно, нам не под силу исключить какие-то произведения из списка «классики». Но я считаю, что в текущую эпоху мы начинаем по-другому оценивать подобные вещи, и не в последнюю очередь потому, что сейчас ведется столь ожесточенная борьба за наше время и внимание, а печатное слово занимает в культурной иерархии совершенно иное место, чем столетие или полтора столетия назад.

К несчастью, сегодня мы часто иначе подходим к книгам (и особенно к художественным произведениям), содержащим большие, важные идеи. Порой эти книги кажутся нам «обязательной программой», а не важным высказыванием о наших временах. Во многом это связано с переменой отношения к «проводникам» (издателям, редакторам, всевозможным законодателям мнений), которая произошла с пришествием интернета. А отчасти – с тем, что именно мы считаем значимым. Например, при жизни такие люди, как Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Франсуаза Саган и Марсель Пруст, играли особую роль, занимая место в самом сердце западной культуры. Не уверена, что к людям, которые сегодня играют аналогичные роли, относятся так же и что их произведения расходятся такими же тиражами. Порой я гадаю: а что, если бы они жили сегодня и просто сидели бы в твиттере, вместо того чтобы писать десятки книг? К примеру, Бальзак, этот первый диванный воитель, мог бы в реальном времени постить в своем микроблоге фрагменты 91 романа из цикла «Человеческая комедия».

В этой книге рассказывается о двенадцати классиках французской литературы, выбранных на мой читательский вкус. Поскольку мы все любим вещи, которые знакомы нам лучше всего, мой выбор кажется очевидным. Но я прекрасно понимаю, что кое-кто может разразиться

горячим градом слез цвета сотерна⁶, когда не увидит здесь ни «Трех мушкетеров» Дюма, ни «Цветов зла» Бодлера, ни комедий Мольера. Я могла бы включить в свой список и других авторов, которых изучала в университете, – Жан-Поля Сартра, Луи-Фердинанда Селина, Симону де Бовуар. А еще драматургов – Жана Ануя и Эжена Ионеско, хотя с ними у меня связаны лишь ужасные воспоминания. В университетские годы я с огромным и искренним энтузиазмом играла в любительских франкоязычных постановках пьес «Жаворонок» и «Король умирает» – помнится, в обоих случаях роли были мужскими, и вполне возможно, что я выходила на сцену с нарисованными усами. Но полагаю, этот список представляет исчерпывающий и реалистичный канон французской литературы, который не слишком отличается от того, что я читала в университете, и остается доступным любому, кого не прельщает идея прочесть миллион с четвертью слов, входящих в роман Пруста *À La Recherche du Temps Perdu* («В поисках утраченного времени»).

Все упоминаемые здесь книги продаются по всему миру миллионными тиражами и – что важнее в нашем случае – сообщают нам нечто глубокое и значительное о французской культуре. Мне хотелось рассказать о книгах, которые обрели огромное число читателей и издавались массово. Разумеется, невозможно рассмотреть их под всеми углами и учесть все важные нюансы. Я также жалею, что не включила в свой список одну книгу, которая в XX веке добилась необыкновенного успеха в Париже. Как пишет Аньес Пуарье в книге «Левый берег. Искусство, страсть и возрождение Парижа в 1940–1950-х годах», в 1947-м наблюдался значительный рост продаж сочинения Жан-Поля Сартра «Бытие и ничто». Сартр выяснил, что женщины покупают книгу, поскольку она весит ровно один килограмм. Такая вещь была чрезвычайно полезна в хозяйстве в те времена, когда все медные гири переплавили для нужд фронта. (Засунь это в свое экзистенциалистское бессознательное, философ!)

Все издания, которые я использовала при подготовке, перечислены в списке рекомендованной литературы в конце книги. Я не выбирала особенные, любимые переводы, а брала то, что было под рукой. В основном я использовала именно переводы, потому что читать их и ссылаться на них оказалось быстрее и проще, чем работать с оригиналами. Я познала все крайности чтения на французском: когда-то продиралась через Марселя Паньоля, сверяя каждое пятое слово со словарем, а позже прочла Пруста в оригинале. Я провожу во Франции не так много времени, как хотелось бы, но вижу, что у меня не возникает проблем с чтением на французском, если я хотя бы время от времени беру в руки французскую книгу. Нелегко читать литературу на том языке, на котором она написана, если этот язык тебе не родной. Но я сумела довести свой французский до такого уровня, что это стало мне по плечу, и особенно легко чтение давалось, когда я жила во Франции, думала по-французски и видела французские сны. Теперь чтение на этом языке превратилось для меня в медитативное и приятное занятие, и меня радует, когда я могу прочесть какой-нибудь короткий и несложный текст, который еще не успели перевести на английский.

С другой стороны, я большая сторонница чтения в переводе. Перевод текста сам по себе требует мастерства, и многие из них обладают особой собственной красотой, отличной от оригинала. И все же неизменно (особенно у людей, которые не знают языка) возникает вопрос: можем ли мы быть уверены, что, читая перевод, понимаем все? Мне близок этот страх. Не хочется, чтобы возникало чувство, будто вы взяли на себя труд прочитать что-то, но в итоге поняли, что читаете все не так. Справедливости ради стоит сказать, что множество французских понятий, идей и слов не имеют точного соответствия в английском языке. Трудности возникли даже при переводе названия этой книги. Я хотела найти слова, которые выразят радость, игривость и приятную «французскость» фразы *Bonjour Tristesse*, подчеркнув, что в этой книге мне хочется избавиться от печали и поприветствовать радость. Казалось, что противополож-

---

⁶ Сладкое белое вино из одноименного французского региона

ный смысл заложен во фразе *Au Revoir, Tristesse*. Даже в голову не приходило сформулировать мысль иначе.

Затем я впервые за тридцать лет перечитала роман «Здравствуй, грусть!» и поняла, что он вдохновлен первой строкой стихотворения Поля Элюара, которое начинается словами *Adieu, Tristesse*. Этот перевод тоже точен. Какой из них лучше? Мне сразу вспомнилось, как в одиннадцатилетнем возрасте я впервые открывала для себя французский и злилась, что невозможно понять, когда говорить *adieu*, а когда – *au revoir*, но в силу собственной педантичности считала, что очень важно знать между ними разницу. Почему-то никто не сказал мне: «*Adieu* значит „прощай“. Когда ты в последний раз говорила человеку „прощай“?» В результате, осваивая в детстве французский, я считала себя страшно глупой, поскольку не видела разницы между двумя столь разными формами прощания⁷.

Долгое время я раздумывала над этим, и порой мне даже хотелось воспринимать эту разницу буквально и говорить французским мальчикам, которые давали мне понять, что не хотят становиться моими парнями, *adieu* (буквально – «к Богу», или, в моем представлении, «надеюсь, ты отправишься к Богу, то есть умрешь»). Французским мальчикам, которые были ко мне добры (или хотя бы не высмеивали меня), я говорила *au revoir*, или «До свидания». Именно такие нюансы мы и боимся упустить, читая переводы. Но нам и правда не стоит об этом переживать: если уж начистоту, когда кто-то говорит вам *au revoir*, у него в голове не возникает мысли: «Я уже планирую снова свидеться с этим человеком». Хотя я бы встревожилась, если бы кто-то сказал мне *adieu*. Так, на всякий случай... Вдруг этот человек знает что-то, чего не знаю я?

Попутно отмечу, что некоторые вещи, сдаётся мне, сказать можно только по-французски, а при переводе в них кое-что теряется. Стихотворение Поля Элюара, подарившее название роману «Здравствуй, грусть!», входит в сборник *La Vie Immédiate* («Сама жизнь»). Название сборника весьма радостно, но нет ничего печальнее названия стихотворения, в которое входит строка «Здравствуй, грусть!», – *À Peine Défigurée* («Слегка искалеченный»). Это депрессивное на первый взгляд, загадочное и исключительно французское стихотворение, где, казалось бы, говорится о человеке, с которым вам вовсе не хочется скоро увидеться снова.

Я удивилась, узнав, что название романа «Здравствуй, грусть!» – радостного, глубокого – взято из этого странного, пустякового произведения. Меня особенно задело название стихотворения. Мысль о том, что можно быть «слегка искалеченным», казалась мне жестокой и однозначной. В переводе стихотворение звучало очень резко. Но затем я попыталась прочитать его на французском и испытала совсем другие чувства. В нем говорится не о человеке, но о печали. Именно печаль в нем предстает человеком, только слегка искалеченным. Это прекрасно соответствует темам и идеям романа Франсуазы Саган. Элюар пишет, обращаясь к печали, как к человеку: «Тебе не быть чистым страданием, / Ведь самые жалкие губы способны изобличить тебя / Улыбкой». Это простая мысль, но в ней есть красота, ведь она открывает истинный смысл многих книг, упоминаемых на этих страницах. Сколько бы ни было в мире печали, она отступает в момент неожиданной встречи с другом... Печаль повсюду. Но ей всегда можно дать отпор.

Порядок действий

Нужно ли вам знать французский, чтобы читать эту книгу? *Absolument pas*. (Нет, не нужно.) Недавно мне напомнили, что французским владеют даже не все исключительно умные люди, к которым я отношусь с огромным уважением. Я привыкла полагать, что такие люди сплошь говорят по-французски, – так в моем случае проявляется склонность человека к под-

---

⁷ На русский *au revoir* чаще переводится как «до свидания», а *adieu* – «прощай».

тверждению своей точки зрения. *Cogito ergo sum*⁸. Вы мне нравитесь, следовательно, должны говорить по-французски. Я просто ужаснулась, когда пришла на выступление Мишель Обамы в Париже, куда она приехала в рамках своего европейского книжного турне, и обнаружила, что она совершенно не знает французского. Я так ею восхищаюсь, что не могла допустить, чтобы Мишель не владела этим языком. Однако она не только не сказала даже «*bonsoir*» («добрый вечер») и «*merci*» («спасибо») сорока тысячам человек, которые пришли встретиться с ней (и пользовались при этом приложением для синхронного перевода, чтобы слушать ее через наушники), но и упомянула, что ела «*crêpes fromage*», отчего я чуть не расплакалась от разочарования. Нет никаких «*crêpes fromage*». Это как сказать, что съел панкейк с сыром. Я вполне уверена, что не найдется в мире ни британца, ни американца, который рискнул бы заказать себе панкейк с сыром. Я разозлилась из-за этого, полагая, что Мишель Обаме гнусно подсунули неправильный блинчик.

Так я получила важный урок: моя симпатия к человеку не наделяет его способностью бегло говорить по-французски. Дело в том, что многие люди не знают языков, которые хотели бы знать. Возможно, у кого-то не было возможности их выучить или учитель не смог их увлечь. Я вхожу в число счастливиц: французский в моей школе являлся обязательным предметом с одиннадцати лет. Кроме того, у меня были прекрасные учителя, которые вдохнули в меня любовь к этому языку и этой стране. Впрочем, даже без знания языка можно многое получить благодаря переводам. Например, чтобы читать эту книгу, вам не нужно знать ни слова по-французски или даже любить французских писателей. Хотя я посвятила свою жизнь изучению французского, а знание иностранных языков стало одной из главных моих радостей, я не сужу людей, которые этим не хотят заниматься, у которых нет такой возможности, и даже тех, кто думает, что владение иностранными языками – удел неудачников.

Я столкнулась с этим в собственной семье. Моя бабушка была открыта новому и считала, что изучение языков прокладывает путь к социальной мобильности и дает возможность изменять свою жизнь (в моем случае так и получилось). Но дедушка был несгибаемым патриотом и считал, что позволять иностранным словам вторгаться в ваш рот равносильно государственной измене и может причинить вам физический вред. Мы смогли добиться от него лишь двух бессмысленных «французских» фраз: «*inky-pinky parlez vous s*» и «*comm a pally tally vous*»⁹. Справедливости ради стоит сказать, что он любил произносить эти слова и не упускал случая ими щегольнуть.

Как прекрасно знал мой дед, когда говоришь на иностранном языке, возникает проблема: твои навыки вполне могут показаться другим попыткой задрать нос. Иностранные языки часто используют, чтобы принизить окружающих и притвориться умнее, чем ты есть на самом деле, или попытаться обмануть людей. Мне снова вспоминаются мой любимый франкофон Фрейзер и сцена, в которой он и Найлз осторожничают с Эдди и говорят по-французски, чтобы пес не понял, что его везут к ветеринару. («*Tu es celui qui va l'amener chez le médecin pour le snip-snip*». – «Это ты отвезешь его к врачу, который сделает чик-чик».) Даже в американском телесериале «Друзья» есть эпизод, когда Джоуи Триббиани говорит что-то на «французском» языке, очень похожем на липовый французско-английский моего деда. Фиби, роль которой исполняет восхитительная Лиза Кудроу, прекрасно владеет французским и готовит Джоуи к кинопробам, где ему предстоит прочесть на этом языке несколько реплик. Он считает, что говорит по-французски, но на самом деле несет ахиною. Этот язык можно, пожалуй, назвать пьяным фальшивым французским: «Ша блю бла! Ми ла пи, омбра! Пу!» В конце концов Фиби вынуждена попросить режиссера похвалить Джоуи и мягко отказать ему в роли. Обрадованный

⁸ Я мыслю, следовательно, я существую. Знаменитое философское утверждение Рене Декарта.

⁹ Бессмысленные фразы, подражание французскому языку. «*Inky-pinky parlez vous*» — строчка из английской песни «Девушка из Армантьера» (*Mademoiselle from Armentières*), популярной во время Первой мировой войны.

Джоуи благодарит его на чистом французском: «Тут де ле фрут!» Иными словами, неважно, какой у вас уровень владения французским – беглый, инки-пинки или шаблюбла, – при чтении этой книги у вас не возникнет трудностей. Здесь я никоим образом не пытаюсь принизить вас, сбить с толку или облапошить, убедив, что вас ждет чудесное путешествие, когда на самом деле вы едете на операцию по удалению яичек. Мой дедушка, Эдди и даже Джоуи легко могли бы прочесть эту книгу.

Поможет ли она выучить французский? Нет. Но очень надеюсь, что с ней вы всерьез задумаетесь об этом. Как бы то ни было, хочу, чтобы читатели знали, что я не собираюсь поддаваться искушению *parler français* (говорить по-французски) при любом удобном случае. Полагаю, это было бы невыносимо. Я буду использовать французские слова, только когда сочту это крайне необходимым, и не стану вклинивать их в повествование, только чтобы добавить ему немного *épice* (остроты). Видите, как это раздражает? Единственное исключение в том, что я использую оригинальные французские названия книг: во-первых, я так хочу, а во-вторых, они очень красиво звучат. Я оправдываю себя тем, что всем нам в жизни нужно то, что моя бабушка (совсем немного говорившая по-французски) назвала бы «капелькой у-ля-ля». А еще тем, что оригинальные названия этих книг так хорошо известны, что кажется бессмысленным обременять их тяжелыми и неуклюжими эквивалентами, которые не имеют никакого отношения к их авторам. *À La Recherche du Temps Perdu*? Вслушайтесь и скажите, какие чувства у вас пробудились. «В поисках утраченного времени»? Что это? Название одной из серий «Стартрека»?

В жизни я постоянно вставляю в свою речь французские слова, но обещаю избегать этого на страницах книги. Я знаю, это ужасно, но готова нести ответственность за эту привычку. Услышав речь какого-то несчастного и безобидного француза, я обязательно подойду к нему и спрошу (по-французски): «Простите, вы француз?» Вопрос, конечно, глуповат, ведь ответ на него очевиден. Но потом я попытаюсь завязать разговор с этим человеком. Мои дети и муж в такие моменты уже научились смотреть в пол и делать вид, что не имеют ко мне никакого отношения. Я приобрела эту привычку очень рано, последовав советам бабушки, когда росла в английской провинции, где почти никого не встречала и боялась, что никогда не смогу говорить на иностранном языке, просто потому что у меня нет практики. Что главное при изучении языка? Погружение, совершение тысяч ошибок и умение вовлечь человека в разговор, даже если он явно не расположен к беседе и надеется, что вы скоро от него отстанете. Последнее особенно верно в отношении французов, говорящих с британцами. Обычно я притворяюсь, что один из моих родителей – француз. Это ложь, но мне помогает.

Итак, хотя я уверена, что применять французский (особенно в окружении французов) чрезвычайно важно, я терпеть не могу эксклюзивность. Переходить на французский, чтобы казаться умным, – это сродни тому, чтобы во взрослом мире повторять слова родителей-аристократов, которые звучали, когда разговор становился острым: «*Pas devant les enfants*» («Не при детях»). Не хочу ни проявлять высокомерие, ни вызывать раздражение у читателей, которые французским не владеют. И уж точно не хочу никого оттолкнуть от изучения хоть парочки французских слов из-за своего стремления цитировать в оригинале полеты прустовской фантазии. Немного французского допустимо, но только *un petit peu*¹⁰. (Ладно, прекращаю.)

*Attention aux spoilers!*¹¹

Да, знаю, я обещала не злоупотреблять французским, но здесь устоять не смогла. Очевидно, слово «спойлер» используется во французском не реже, чем в английском. Это не может не радовать. Если вы знаете слово «спойлер» и можете сказать его на манер «у-ля-ля», то уже

---

¹⁰ Чуть-чуть, немножко.

¹¹ Внимание, спойлеры! – Прим. пер.

говорите по-французски. Отлично! А как насчет спойлеров ко всем этим книгам, ведь некоторым из них по триста лет? В предисловии к переизданию романа *Bonjour Tristesse* в серии Penguin Modern Classics в 2008 году писательница Рейчел Каск делает оговорку: «Всех, кто читает роман впервые, предупреждаю, что в предисловии раскрываются некоторые сюжетные повороты». Да и зачем их скрывать, раз *Bonjour Tristesse* вышел пятьдесят лет назад? Это совершенно верно и для настоящего издания. Читатели всех мастей, знайте: в этой книге раскрываются совершенно все сюжетные повороты. Если вы всю жизнь мечтали прочитать какой-то роман и предпочитаете заранее не знать о нем совсем ничего... Что ж, в таком случае лучше пропустите соответствующую главу. Как говорит молодежь: жаль, мне не жаль.

Мне знакомо такое принятие спойлеров. Я написала книгу о русской литературе «Саморазвитие по Толстому. Жизненные уроки из 11 произведений русских классиков», и, несмотря на достаточное количество предуведомлений и оговорок о спойлерах, которых невозможно было избежать, несколько читателей пожаловались мне, что я испортила им удовольствие от чтения «Анны Карениной». На это я могу лишь ответить: ребята, она вышла в 1878 году. По этому роману сняли восемнадцать фильмов, поставили девять опер и пять балетов, и сегодня о поезде знают все. Учите матчасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.